

УДК 902/903.5

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.314.327>

СКОРЧЕННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА МАКСИМОВКА I ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА

© 2023 г. А.И. Королев, А.А. Шалапинин

Представленные данные о погребениях второй обрядовой группы с костяками в положении сидя и полусидя получены в ходе раскопок на грунтовом могильнике Максимовка I в 2017–2022 гг. Могильник расположен в левобережье среднего течения р. Самара. Анализируются 16 погребений эпохи энеолита. Следы могильных ям встречаются редко. Погребенный помещался в яму с приподнятой верхней частью туловища и упором спиной и затылком о ее стенку. Зафиксирована ориентировка головы погребенных в восточном секторе. Руки были вытянуты вдоль тела кистями на коленях или опирались локтями о дно ямы и кистями в области живота. Ноги согнуты коленями вверх. Среди погребений второй группы присутствуют костяки с обожженными черепами. Они составляют четвертую часть второй группы. Присутствует окраска охрой. Половина погребений содержит инвентарь: подвеску, бисер и бусы из раковины, костяные и раковинные пронизки, резцы сурка, костяные и каменные подвески, бусины из камня и окаменелости, наконечники стрел, кремневые пластины и отщепы, скребки, костяные орудия, кольцо из цветного металла, абразивы, отбойник, кости зайца, кость рыбы. В засыпи могильных ям часто встречаются отдельные фрагменты керамики. Вторичные погребения представлены черепами и сложенными кучкой костями человека. Инвентарь одного из этих погребений совпадает с вещами, найденными в погребениях второй группы. Материалы погребений второй группы близки Мурзихинскому II могильнику. На основании радиоуглеродного датирования, для погребений второй группы намечен широкий хронологический диапазон – 4400–3500 calBC, который позволяет их отнести к позднему энеолиту лесостепного Поволжья.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, энеолит, река Самара, грунтовый могильник Максимовка I, скорченные погребения, вторичные погребения, погребальный инвентарь.

BENT BURIALS AT MAKSIMOVKA I ENEOLITHIC BURIAL GROUND

A.I. Korolev, A.A. Shalpinin

The presented data on burials of the second ritual group with skeletons in a sitting and half-sitting position were obtained during excavations at the Maksimovka I ground burial ground in 2017–2022. The burial ground of the soil type is located on the left bank of the middle reaches of the Samara River. 16 burials of the Eneolithic era are analyzed. Traces of burial pits are rare. The buried was placed in the pit with the upper part of the body raised and the back and the back of the head resting against its wall. Orientation of head was fixed in the eastern sector. The arms were extended along the body with the hands on the knees or rested with the elbows on the bottom of the pit and with the hands in the abdomen. Legs were bent knees up. Among the burials of the second group there are skeletons with burnt skulls. They make up the fourth part of the second group. Ocher coloration was marked. Half of the burials contain inventory: pendant, shell beads and beads, bone and shell threads, marmot cutters, bone and stone pendants, beads made of stone and fossils, arrowheads, flint blades and flakes, scrapers, bone tools, a ring made of non-ferrous metal, abrasives, a chipper, hare bones, fish bones. Separate fragments of ceramics are often found in the backfill of grave pits. Secondary burials are represented by skulls and human bones stacked in a heap. The inventory of one of these burials coincides with the things found in the burials of the second group. The materials of the burials of the second group are close to the Murzikha II burial ground. Based on radiocarbon dating, a chronological range of 4400–3500 calBC is proposed for the burials of the second group, which allows them to be attributed to the Late Eneolithic of the Volga forest-steppe region.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Eneolithic, Samara River, Maksimovka I burial ground, bent burials, secondary burials, burial inventory.

Грунтовый могильник Максимовка I (Бога-товский р-н Самарской области) расположен на окраине одноименного села и занимает пологую возвышенность края террасы левого берега малой р. Съезжая в левобережье среднего течения р. Самара – левом притоке р. Волга. Памятник был открыт в 2017 г. В.А. Цибиным. В том же году было вскрыто тройное погребение №1 эпохи энеолита (Цибин, Шалапинин, 2019, с. 6–16). В 2018 г. экспедицией СГСПУ были проведены рекогносцировочные работы на двух секторах, которые дали еще три захоронения, из которых погр. 3 отнесено к энеолиту (Королев, Мышкин, Шалапинин, 2021, с. 515–530). Всего на 2022 г. на памятнике вскрыто около 484 кв. м и изучено 48 погребений эпох энеолита, бронзы и средневековья. К энеолиту относятся 19 погребений, из них 14 захоронений выделены во вторую группу с костяками в скорченном положении. Ко второй группе отнесено также два из трех вторичных погребений. Энеолитических погребений, видимо, было больше, но часть захоронений была разрушена в ходе хозяйственной деятельности в XX в. и представлена разрозненными скелетами и отдельными костями человека, не позволяющими надежно их атрибутировать.

Целью исследования является анализ погребений, совершенных в позе сидя или полусидя, а также вторичных погребений.

Для погребений второй группы характерна поза костяков в положении сидя или полусидя. Поза сидя устанавливается надежно: часто полностью сохраняется анатомическое положение сидящего человека с согнутыми и поставленными коленями вверх ногами, руками на коленях или в области таза, черепом, обращенным лицевой частью вниз и перекрывающим характерно изогнутый позвоночник, надвинувшиеся ребра и вертикально расположенные лопатки. В тех случаях, когда происходило уплотнение верхней части скелета, ребра и часть позвонков оказывались смещенными на кости таза, а на них в свою очередь оседал череп. При естественной компрессии скелета, в ряде случаев кости ног находились в положении коленями вверх, нижние челюсти также сохраняли анатомическую связь с черепом или находились рядом и смещались вместе с ним, как в погр. 9, 16, 32, 38, 45 (рис. 2: 9; 3: 9; 5: 1). Такое расположение черепа и нижней челюсти при расчистке, как правило, не позволяли опре-

делить положение тазовых костей и позвоночника, и сидячие погребения расчищались в два приема. Отметим такую особенность для погр. 9, 26, 45, где уровень фиксации ступней ног был выше уровня тазовых костей. Череп в детском погр. 3 полностью перекрывал большую часть костей туловища и верхних конечностей (рис. 2: 1). После снятия черепа повторная расчистка дала возможность определить положение костяка сидя. Под черепом была обнаружена костяная подвеска (рис. 2: 2, 4).

Поза полусидя определяется уверенно по расположению костяка. Погребенный помещался в яму с приподнятой верхней частью туловища и упором спиной и затылком о ее стенку. Согнутые в локтях руки опирались о дно ямы, кисти располагались в области таза. Иногда согнутая в локте рука была отведена в сторону и направлена кистью к тазу. Ноги согнуты и поставлены коленями вверх. В связи с приподнятой верхней частью туловища, череп часто смещался в область груди или таза, как например, в погребении 1 костяк 1 и костяк 2 (рис. 1: 1), в погр. 3 (рис. 2: 1), в погр. 27 костяк 2 (рис. 5: 7). В погр. 16 располагались два костяка – женский и мужской (рис. 3: 9). Поза женского костяка 1 по положению позвонков, лопаток, черепу частично расположенному над тазовыми костями устанавливается в позе сидя с руками на коленях. Положение костяка 2 – в позе полусидя с положением рук на тазовых костях. Степень скорченности костяков неодинакова. Присутствуют сильно скорченные в положении сидя с завалом верхней части скелета вперед, например костяки погр. 26 и 32 (рис. 3: 1; 6: 1). Встречены в положении полусидя с незначительно приподнятой верхней частью скелета, как в погр. 38 (рис. 5: 20). Совместное нахождение в парном погр. 16 костяков в позе сидя и полусидя позволяют рассматривать их как варианты ингумации в рамках одной погребальной традиции.

Отметим также, что часть значительно нарушенных костяков можно достаточно уверенно отнести ко второй группе. Среди них погр. 17, 18, 34, 41, 48 (рис. 3: 10; 4: 1, 5–7). От погр. 17 сохранилась южная часть ямы с округлым краем. Костяк сохранился частично, в анатомическом порядке располагались кости ног ниже колен. Кости стоп находились в положении ступнями вниз, берцовые кости в наклонном положении завалились

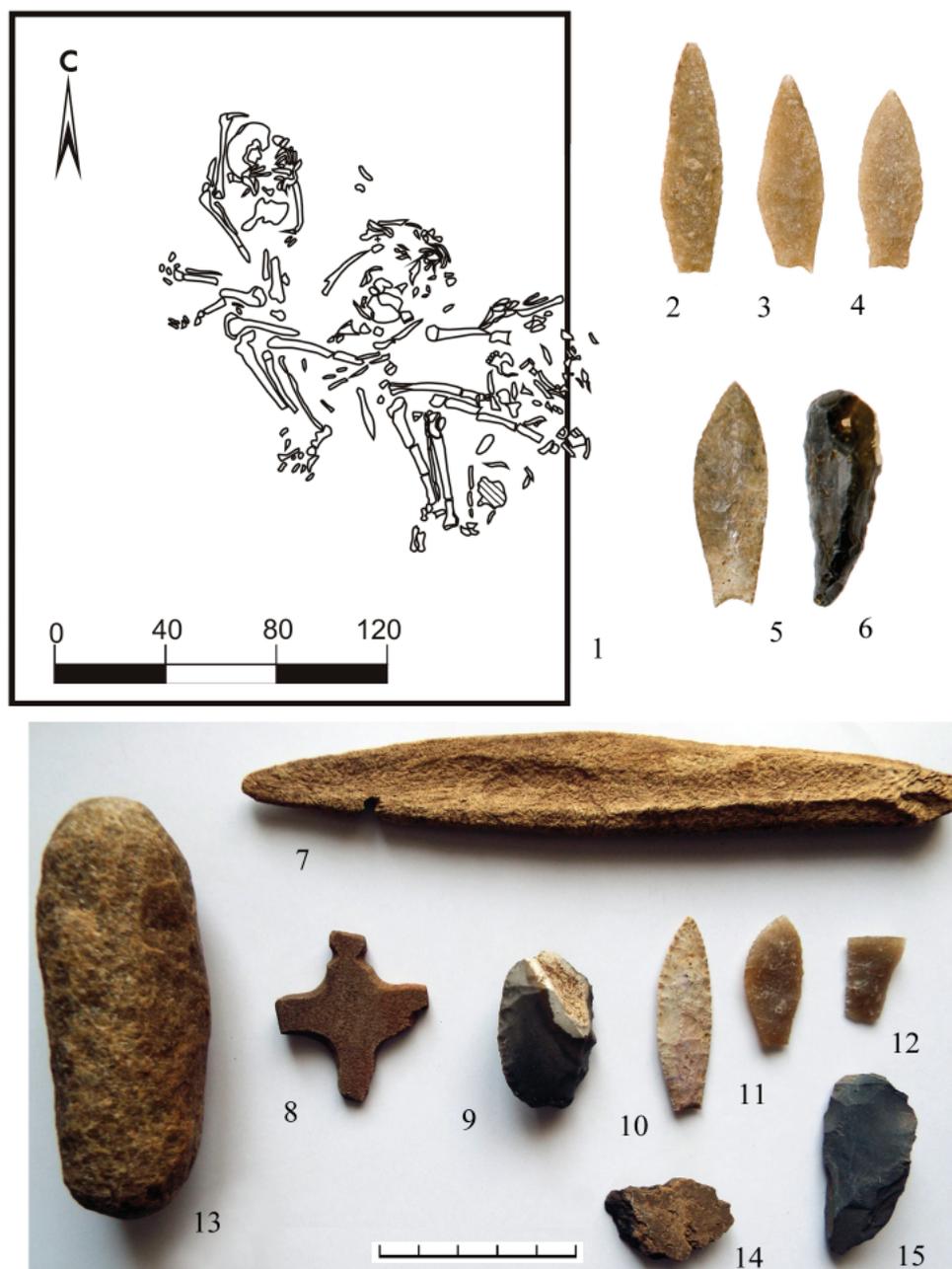

Рис. 1. Могильник Максимовка I.

1 – погребение 1; 2–6 – инвентарь из разрушенных погребений; 7–15 – инвентарь из погребения 1: 7 – костяное орудие, 8 – подвеска, 9 – скребок, 10–12 – наконечники стрел, 13 – отбойник (пест?), 14 – фрагмент керамики, 15 – скребок. 2–4, 11–12 – кварцит; 5–6, 9–10, 15 – кремь; 7 – кость; 8 – песчаник; 13 – камень зернистой породы; 14 – керамика.

Fig. 1. Maksimovka burial ground I.

1 – burial 1; 2–6 – inventory of destroyed burials; 7–15 – inventory from burial 1: 7 – bone tool, 8 – pendant, 9 – scraper, 10–12 – arrowheads, 13 – pestle, 14 – ceramic fragment, 15 – scraper. 2–4, 11–12 – quartzite; 5–6, 9–10, 15 – flint; 7 – bone; 8 – sandstone; 13 – granular rock; 14 – ceramics.

Рис. 2. Могильник Максимовка I.

1–2 – погребение 3; 3–7 – инвентарь из погребения 3: 3 – кольцо, 4 – подвеска, 5 – ножевидная пластина, 6–7 – пронизки; 8 – погребение 9; 9–11 – инвентарь из погребения 9: 9 – фрагмент наконечника, 10 – ножевидная пластина, 11 – бисер. 5, 9–10 – кремль; 4, 6–7 – кость; 11 – раковина.

Fig. 2. Maksimovka burial ground I.

1–2 – burial 3; 3–7 – inventory from burial 3: 3 – ring, 4 – pendant, 5 – knife-shaped blade, 6–7 – piercings; 8 – burial 9; 9–11 – inventory from the burial 9: 9 – fragment of the tip, 10 – knife-shaped blade, 11 – beads. 5, 9–10 – flint; 4, 6–7 – bone; 11 – shell.

влево. Первоначальное положение погребенного – лежа на спине или сидя с согнутыми ногами коленями вверх (рис. 4: 1). Сохранившийся инвентарь подтвердил принадлежность погребения ко второй группе. От скелета погр. 34 (рис. 4: 5) остались только нижние части малых берцовых костей, кости стоп и таза. Однако кости стоп сохранили положе-

ние ступнями вниз, малые берцовые кости расположены под углом вверх, а расстояние между костями стоп и таза показывает сильную степень скорченности ног. Положение таза с небольшим наклоном и расстояние в 45 см от него до края ямы позволяют восстановить положение погребенного в позе сидя или полусидя.

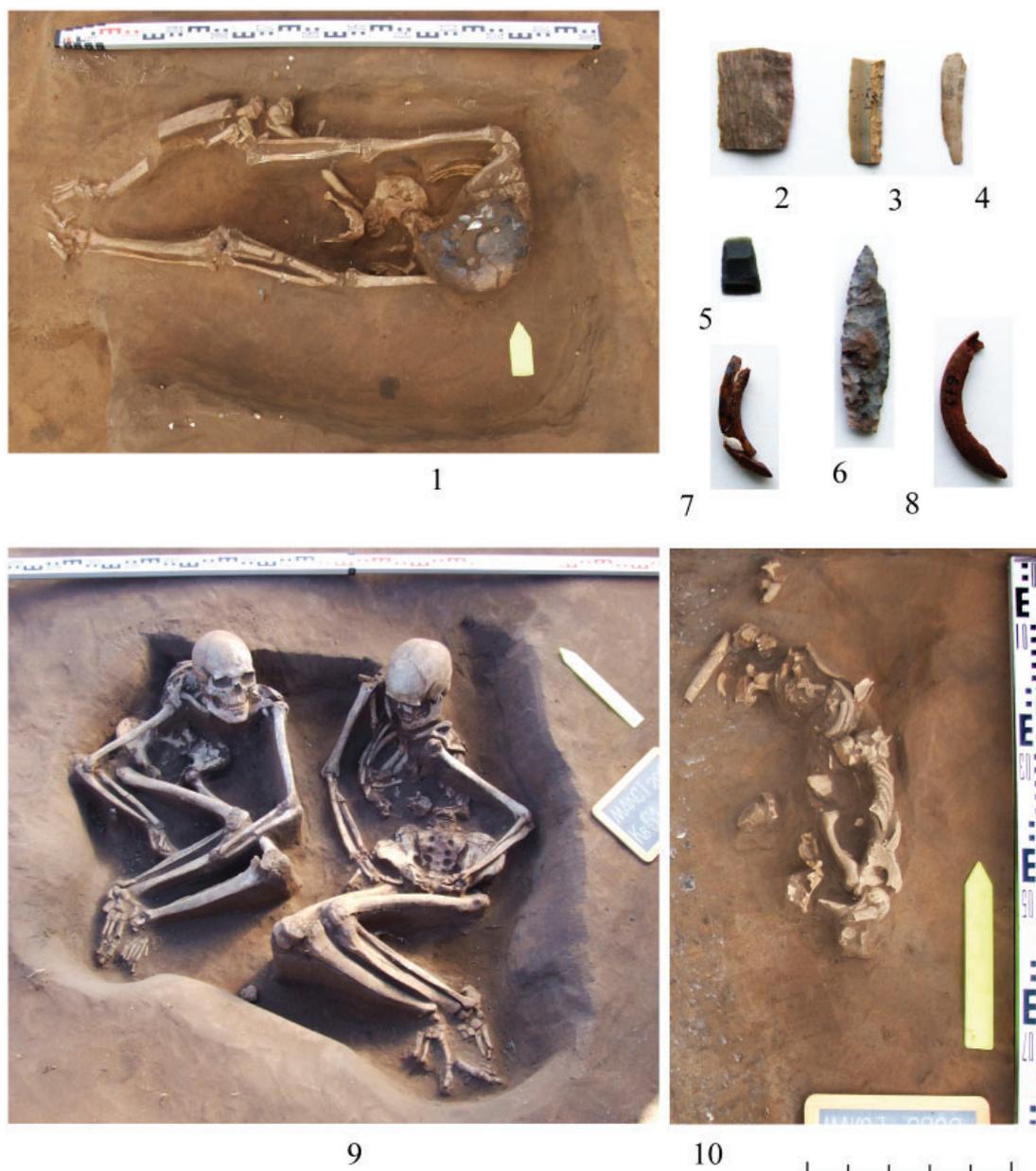

Рис. 3. Могильник Максимовка I.

1 – погребение 26; 2–8 – инвентарь из погребения 26: 2–4 – ножевидные пластины, 5 – геометрический микролит, 6 – наконечник, 7–8 – резцы сурка; 9 – погребение 16; 10 – погребение 48. 2–4, 6 – кремь; 7–8 – кость.

Fig. 3. Maksimovka burial ground I.

1 – burial 26; 2–8 – inventory from burial 26: 2–4 – knife-shaped blades, 5 – geometric microlith, 6 – arrowhead, 7–8 – groundhog incisors; 9 – burial 16; 10 – burial 48. 2–4, 6 – flint; 7–8 – bone.

От погр. 18 сохранился обугленный череп и частично кости верхней части скелета (рис. 4: 7). В этом случае положение грудных позвонков, ребер, наклонное положение правой плечевой кости локтем вниз, передает приподнятое положение верхней части туловища погребенного. Аналогичным образом, только без тазовых костей, представлен костяк погр.

41. Но и здесь наклонное, соответствующее позе полусидя, положение верхней части скелета зафиксировано надежно (рис. 4: 6). В сильно разрушенном в ходе строительства дороги погребении 48 от скелета осталась непо потревоженной только небольшая часть верхнего отдела. Но и она позволяет определить положение погребенного человека с

Рис. 4. Могильник Максимовка I.

1 – погребение 17; 2-4 – инвентарь из погребения 17: 2, 4 – абразивные камни, 3 – бисер; 5 – погребение 34; 6 – погребение 41; 7 – погребение 18; 8 – погребение 28. 2, 4 – песчаник; 3 – раковина.

Fig. 4. Maksimovka burial ground I.

1 – burial 17; 2-4 – inventory from burial 17: 2, 4 – abrasive stones, 3 – beads; 5 – burial 34; 6 – burial 41; 7 – burial 18; 8 – burial 28. 2, 4 – sandstone; 3 – shell.

приподнятой верхней частью туловища предположительно в позе сидя или полусидя (рис. 3: 10). Таким образом, часть разрушенных погребений аргументировано была отнесена ко второй группе.

Одиночные или индивидуальные погребения являются доминирующими. Парных погребений зафиксировано два – №№16 и 27 (рис. 3: 9; 5: 7). Тройное погребение одно – №1 (рис. 1: 1). Расположение костяков в коллективных погребениях несколько различается.

В погр. 1 и 16 они расположены вплотную, плечом к плечу. Но в погр. 16 костяки несколько развернуты друг к другу. Иначе располагались костяки в погр. 27. Здесь первоначально был устроен в позе полусидя подросток, затем между его ног был посажен ребенок.

Погребенные головой ориентированы в восточном секторе с некоторыми отклонениями: на С был ориентирован скелет в погр. 17, на СВ – скелеты в погр. 1, 16, 3, 9, 34, 48, на ВСВ – скелеты в погр. 8, 41, на В – костяки в

Рис. 5. Могильник Максимовка I.

1 – погребение 45; 2-6 – инвентарь из погребения 45: 2 – ножевидная пластина, 3 – бусина, 4 – пронизка, 5 – фрагмент керамики, 6 – абразивная плитка (терочник?); 7 – погребение 27; 8-19 – инвентарь (подвески) из погребения 27; 20 – погребение 38. 2 – кремь, 3, 8, 11-14 – окаменелость, 4, 17-19 – кость, 5 – керамика, 6 – песчаник, 16 – раковина.

Fig. 5. Maksimovka burial ground I.

1 – burial 45; 2-6 – inventory from burial 45: 2 – knife-shaped blade, 3 – bead, 4 – piercing, 5 – ceramic fragment, 6 – abrasive tile (grater?); 7 – burial 27; 8-19 – inventory (pendants) from burial 27; 20 – burial 38. 2 – flint; 3, 8, 11-14 – fossil; 4, 17-19 – bone; 5 – ceramics; 6 – sandstone; 16 – shell.

погр. 26, 32, 45, на ЮВ – костяки в погр. 18 и 27.

Могильные ямы отмечены в девяти случаях и чаще имели неправильно овальные контуры, но есть и с выраженными углами, их два.

Особое внимание привлекают признаки частичной кремации. Остановимся на них подробнее. Среди захоронений второй груп-

пы выделяются костяки с обожженными черепами, это погр. 18, 26, 38, 41. Цвет кости варьирует от черного до бело-серого. В погр. 18 следы воздействия огня отмечены также на верхних ребрах и верхних позвонках скелета. Около этого погребения была зафиксирована площадка распространения углистых пятен, очевидно, следов костра. Это пока единствен-

Рис. 6. Могильник Максимовка I.

1 – погребение 26; 2 – погребение 8, костяки 1–3; 3 – погребение 8, костяк 4; 4–14 – инвентарь из погребения 8: 4–6 – наконечники стрел, 7–8 – скребки, 9 – бусина, 10 – фрагмент подвески, 11 – острие, 12 – резцы сурка, 13 – бисер, 14 – пронизки. 4–8 – кремь; 9 – камень красного цвета; 10, 13–14 – раковина; 11–12 – кость.

Fig. 6. Maksimovka burial ground I.

1 – burial 26; 2 – burial 8, bones 1–3; 3 – burial 8, bones 4; 4–14 – inventory from burial 8: 4–6 – arrowheads, 7–8 – scrapers, 9 – bead, 10 – suspension fragment, 11 – point, 12 – incisors groundhog, 13 – beads, 14 – piercings. 4–8 – flint; 9 – red stone; 10, 13–14 – shell; 11–12 – bone.

ный случай подобных наблюдений. В погр. 38 отчетливые следы сожжения кроме черепа видны на костях рук и на верхних половинах берцовых костей (рис. 5: 20).

Количество данных пока не велико, но некоторые выводы сделать можно. Очевидно, после засыпи могильной ямы на поверх-

ности оставляли голову погребенного, иногда частично верх туловища, иногда руки и ноги в области коленных суставов. Затем проводилась частичная кремация, после окончания которой, следы костра убирали, и могила засыпалась окончательно. Таким образом, археологически фиксируются два этапа

погребения. Вопрос заключается в том, каков был временной промежуток между этими этапами? Можно предположить, что кремация головы могла осуществляться спустя какое-то время после совершения первого этапа обряда захоронения. К такому выводу подводят некоторые наблюдения. Так, в погр. 26 череп завалился на левое плечо и в таком положении сохранился ко времени раскопок (рис. 3: 1). У него сильно обожжена обращенная кверху правая область, включая часть лобной, затылочной и правую височную кость, а теменная кость – значительно меньше. Можно предположить, что перед сожжением головы прошло время, за которое мышцы и связки шеи ослабли, голова завалилась в сторону и в таком виде подверглась кремации. Нижняя челюсть, располагавшаяся на тазовых костях, следов огня не имеет, как и кости посткраниального скелета. Возможно, нижняя челюсть к этому времени уже отделилась и опустилась на дно ямы.

Высказанное предположение могут подтвердить и некоторые характеристики погр. 38 (рис. 5: 20). Здесь наиболее сильно-му воздействию огня до белого цвета подверглась лицевая часть черепа, включая нижнюю челюсть и верх плечевой кости. Ее нижняя половина воздействия огня не испытала, в то время как локтевая и лучевая кости обгорели на всю длину. Эти же кости правой руки обгорели только в нижней части, располагавшейся в области колен. Видимо, к моменту кремации левая рука распалась в локтевом суставе и на поверхности находились верх плеча и все предплечье, а также диафизы костей правого предплечья. Относительно костей ног отметим, что следы огня есть на верхней половине больших берцовых костей. На бедренных костях следы огня не отмечены, видимо, в отличие от берцовых они были скрыты грунтом и оказались не доступны огню.

Таким образом, можно констатировать практику воздействия огня на части человеческого тела. Такую практику допустимо определить как частичную кремацию. В заполнении могильной ямы погр. 27 признаков сожжения нет, но встречены угольки.

В сидячих погребениях без следов сожжения головы сложнее установить проходил ли акт предания земле умершего одновременно или в два этапа. Есть основания предполагать,

что процесс захоронения мог быть единовременным, по крайней мере, в некоторых случаях. Можно отметить хорошую сохранность скелетов из погр. 16. Длинные кости целые, многие находятся в сочленениях, черепа занимают анатомически правильное положение, а нижние челюсти сохранили связь с черепами. Эти данные показывают, что ингумация и заполнение могильной ямы грунтом произошли в короткий промежуток времени.

В десяти погребениях: 1, 3, 8, 9, 16, 17, 26, 27, 32, 45 присутствует слабо выраженная окраска охрой вишневого оттенка. Нужно отметить такую особенность: в погр. 45 была зафиксирована окраска охрой вишневого оттенка слабой интенсивности. На дне ямы были обнаружены части терочника, под крупным фрагментом которого располагалось пятно яркой красной охры (рис. 5: 6). Нельзя исключать возможности размывания охристой посыпки в рыхлом песчаном грунте.

На могильнике выявлены вторичные погребения 8, 28, 44б. Погребение 8 представляет собой компактно выставленные в овальной яме черепа и преимущественно длинные кости четырех человек, располагавшиеся в трех ярусах. В верхнем были обнаружены череп, расположенный на кучке костей посткраниального скелета, ниже располагались также сложенные кучками кости еще двух индивидов (рис. 6: 2), ниже помещались останки четвертого (рис. 6: 3). Присутствует окраска темной охрой вишневого оттенка. Инвентарь включал орнаментированное костяное острие (рис. 6: 11), 2 скребка (рис. 6: 7–8) и 3 наконечника стрел из кремня (рис. 6: 4–6), каменную бусину (рис. 6: 9), 65 резцов сурка (рис. 6: 12), мелкие раковинные бусины (бисер) и пронизки (рис. 6: 13–14), фрагмент овальной подвески из раковины (рис. 6: 10). Инвентарь этого погребения, а также полученные даты позволили уверенно соотнести его с группой скорченных погребений.

В детском погребении 28 кости посткраниального скелета сложены кучкой, на них поставлен череп (рис. 4: 8). Эти характеристики сближают его с погр. 8 и, следовательно, со второй группой. В погр. 44, где располагались два детских костяка первой группы в положении вытянуто на спине, находились и кости, видимо, двух взрослых индивидов, сложенные «пакетом». Отсутствие следов ямы, инвентаря (за исключением отщепы кремня, кото-

рый относить к инвентарю не бесспорно) не позволяет уверенно говорить об их одновременности. С другой стороны, характеристика костного материала, один уровень фиксации, расположение «пакета» в непосредственной близости от детского костяка, не затрагивая его, сохраняют в силе предположение об их одновременности. Можно отметить сходное сочетание подобных вторичных захоронений и вытянутых погребений в могильнике мариупольского круга Екатериновский мыс (Королев и др., 2018, с. 59).

Для установления хронологического соотношения вытянутых и скорченных погребений большое значение имеет выявленный на могильнике Максимовка I случай перекрывания погр. 26 второй группы погр. 35 с костяком в вытянутом положении. Стратиграфические и типологические данные позволяют отнести погр. 35 к мариупольскому времени раннего энеолита. Зафиксированная стратиграфия погребений подтверждает принадлежность этих погребений к различным этапам энеолита.

Инвентарь встречен в девяти погребениях 1, 3, 8, 9, 17, 26, 27, 41, 45 (в том числе вторичное погр. 8). Он включает раковинные подвески, пронизки, бисер и бусы, костяные пронизки, резцы сурка, костяные и каменные подвески, бусину из окаменелости, наконечники стрел и их фрагменты, кремневые пластины и сколы, скребки, костяные орудия, кольцо из цветного металла, предположительно медное (рис. 2: 3), абразивные плитки, отбойник или пест. В погр. 17 найдены также кости зайца, в погр. 41 – кость рыбы. В засыпи могильных ям часто встречаются отдельные фрагменты керамики (рис. 1: 14; 5: 5), но в погребения сосуды не ставили.

Повторяющейся категорией инвентаря являются наконечники стрел из кремня и кварцита. Они есть в погр. 1, 8, 9, 26 (рис. 1: 10–12; 2: 9; 3: 6; 6: 4–6). Обращают на себя внимание наконечники стрел с зауженным насадом и с выемками в основании или прямым основанием, они есть в погр. 1 и 8 (рис. 1: 10–12; 6: 4–6). Видимо, такая форма наконечника была найдена и в погр. 26, но там обломан насад (рис. 3: 6). В погр. 9 представлен обломок наконечника с насадом приостренной формы (рис. 2: 9). Однотипные и близкие по форме наконечники, очевидно, происходящие из разрушенных погребений, были обнаруже-

ны и переданы археологам местным жителем (рис. 1: 2–5).

Ножевидные пластины и пластинчатые сколы с ретушью и без ретуши также относятся к повторяющейся категории инвентаря. Они обнаружены в погр. 3, 9, 26, 45 (рис. 2: 5, 10; 3: 2–4; 5: 1). Оригинален геометрический микролит – высокая трапеция из полупрозрачного камня зеленого цвета с мелкой краевой ретушью на боковых сторонах по спинке из погр. 26 (рис. 3: 5). Скребки из кремня на пластинах и отщепках найдены в погр. 1 и 8 (рис. 1: 9, 15; 6: 7–8). В погр. 1 был обнаружен крупный отбойник или пест из камня зернистой породы (рис. 1: 13), в погр. 17 и 45 обнаружены крупные абразивные плитки или терочки (рис. 4: 2, 4; 5: 6).

Еще одна распространенная категория инвентаря – украшения. Бусы и бисер изготовлены из раковин, имеют маленькие размеры 0,2–0,4 см в диаметре, они содержались в погр. 8, 9, 17 (рис. 2: 11; 4: 3; 6: 13). Пронизки из раковин были встречены в погр. 8 (рис. 6: 14). В материалах могильника представлены каменные бусины. Одна бусина красного цвета найдена в погр. 8 (рис. 6: 9), вторая – из окаменелости с отверстием естественного происхождения – в погр. 45 (рис. 5: 3). Двенадцать подвесок изготовлены из камня и, возможно, окаменелостей, кости и раковины, происходят из одного погр. 27 (рис. 5: 8–15, 17–19). Еще одна подвеска из песчаника крестовидной формы была найдена в погр. 1 (рис. 1: 8). Пронизы из кости найдены в погр. 3 и 45 (рис. 2: 6–7; 5: 4). В погр. 3 найдено медное украшение (рис. 2: 3) и костяная подвеска с зубчатыми краями и отверстием для подвешивания (рис. 2: 4). Костяной инвентарь включает крупное орудие с выемкой у приостренного конца из погр. 1 (рис. 1: 7), орнаментированное острие из погр. 8 (рис. 6: 12), резцы сурка из погр. 8 и 26 (рис. 3: 7–8; 6: 12).

Впервые в погребениях с сидячими костяками зафиксирован обряд порчи вещей. Абразивная плитка из погр. 45 явно была разбита специально и её крупные части находились в разных местах на дне могильной ямы (рис. 5: 6). Наконечники с прямым и выемчатым основанием, каменные и костяные подвески, мелкие бусины из раковин и костяные пронизки имеют широкую территорию распространения. Полный анализ этих материалов не

входит в число задач данной работы. Внимание привлекают памятники, в которых проявляется сходство не в отдельных категориях инвентаря, а сочетание погребального обряда и инвентаря в комплексе.

Полученные материалы являются достаточно представительными. Близкие аналогии были обнаружены при изучении материалов Мурзихинского II могильника (Чижевский, 2008, с. 367–371). Материалы памятников вполне сопоставимы: в могильнике Максимовка I выявлено 16 погребений второй группы, в Мурзихинском II – 18; они близки, но не идентичны. Оба могильника содержат индивидуальные и коллективные погребения, но в первом доминируют индивидуальные, а во втором коллективные. Положение костяков в позе сидя и преобладание восточного сектора в ориентации погребенных совпадает. Применение огня в погребальном обряде отмечено в обоих могильниках, но в Максимовском есть отчетливые признаки сожжения головы. Различается форма могильных ям: в Максимовском они чаще подовальной формы, иногда с нечеткими углами, а в Мурзихинском ямы круглые и подчетыреугольные.

Большую близость демонстрирует погребальный инвентарь. Отметим ножевидные пластины из кремня и их фрагменты (Чижевский, Шипилов, 2021, с. 153, рис. 8: 2–3, 36), скребки (Чижевский, Шипилов, 2021, с. 153, рис. 8: 13, 15, 21, 41). Обращают на себя внимание однотипные наконечники стрел с зауженным насадом и прямым основанием (Чижевский, Шипилов, 2021, с. 153, рис. 8: 10–11, 16, 40). Аналогичны овалы и каплевидные подвески из камня и кости (Чижевский, Шипилов, 2021, с. 151, рис. 6: 6, 9–10; 7: 7, 33, 42, 46; 8: 17, 31–33).

Интересно, что совпадают морфологические признаки «разношенных» в результате использования подвесок обоих памятников. Выводы на основе трасологического изучения изготовления и износа подвесок из Мурзихинского II могильника (Чижевский, Голубева, 2019, с. 49–50) можно распространить и на подвески из погр. 27 могильника Максимовка I. Аналогичны костяные подвески с зубчатыми краями. Но в отличие от максимовского украшения (рис. 2: 4) в мурзихинском не одно, а три отверстия (Чижевский, Шипилов, 2021, с. 151, рис. 7: 36). Столь же близки костяные острия, орнаментированные нарезками в виде

многорядного зигзага (Чижевский, Шипилов, 2021, с. 153, рис. 8: 30). Привлекает внимание сходство мелкими размерами раковинных бус и бисера (Чижевский, Шипилов, 2021, с. 153, рис. 7: 1–3; 8: 6). Оба могильника содержат медные украшения. Они различаются: в могильнике Максимовка I найдено кольцо из проволоки с приостренными несомкнутыми концами, аналогичное кольцам Хвалынского I могильника (Агапов, 2010, с. 257–260, рис. 3: 22–23), а в Мурзихинском – фрагмент желобчатого украшения, также близкий хвалынским украшениям (Чижевский, Шипилов, 2021, с. 155).

Есть и различия в инвентаре. В Мурзихинском II могильнике представлены рубящие орудия, крупные шлифованные изделия с просверленным отверстием, массивные кремневые ножи, резчики, кольцо из камня, орудия рыболовства, костяная и кремневая зооморфная пластика, изделия из янтаря, мелкие конкреции. Есть многочисленные орудия из кости различного назначения, а также керамические сосуды из погребений. В свою очередь, в Максимовском могильнике присутствуют наконечники из кварцита, наконечники с четко выраженной выемкой в основании, напоминающие рыбку, абразивные камни, отбойник (пест?), резцы сурка, трубчатые пронизки из раковин и кости. Можно добавить присутствие на Максимовском могильнике вторичных погребений, связанных со второй группой. Керамика, соответствующая сосудам Мурзихинского II могильника на площадке могильника Максимовка I не выявлена. Отметим, что аналогичные мурзихинским подвески происходят из одного максимовского погребения 27.

Результаты сравнительного анализа материалов обоих могильников дают основания для признания их культурной близости. Они позволяют расширить территорию распространения традиции погребений в позе сидя и полусидя как погребальной нормы в левобережье Волги до южной границы лесостепи. На промежуточной территории выявлены отдельные захоронения с сидячим положением скелета. Таково погребение у с. Старо-Кабаново на р. Белой (Васильев, 2004, с. 50–51). Есть данные о сидячей позе скелета из погребения у с. Криволучье на р. Чагре (Гольмстен, 1931, с. 7) и токского погребения (Богданов, 1992, с. 195). Отметим, что за пределами очерченной

территории изучены отдельные погребения в позе сидя. М.Д. Хлобыстина рассматривает их как малочисленное, хотя и распространенное на большой территории и в широких хронологических рамках, явление (Хлобыстина, 1991, с. 32–35). Такие погребения редки и в Зауралье (Потемкина 1982, с. 169; Шилов, Маслюженко, 2006, с. 188). Происхождение этой традиции в Волго-Уральском регионе правомерно связывать с хвалынской культурой. В Хвалынской I могильнике были отмечены костяки в позе сидя и изучены вторичные

захоронения (Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990, с. 58). И.Б. Васильев выделил и полусидячее положение костяков (Васильев, 2004, с. 57). Вторичные погребения и скелеты в положении полусидя были выявлены и на могильнике Екатериновский мыс (Королев и др., 2018, с. 61–62).

Таким образом, источниковая база изучения погребального обряда и инвентаря позднего энеолита лесостепного Поволжья существенно дополнилась новыми материалами.

ЛИТЕРАТУРА

Агапов Д.С. Медные изделия в погребальном обряде Хвалынских энеолитических могильников // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов / Науч. ред. С.А. Агапов. Самара: Поволжье, 2010. С. 258–284.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 1990. 160 с.

Богданов С.В. Токский жезл // Древняя история населения Волго-Уральских степей / Отв. ред. А.Т. Синюк. Оренбург: ОГПИ, 1992. С. 195–205.

Васильев И.Б. Погребение в «позе сидя» у с. Старо-Кабаново в Башкирии // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский университет, 2004. С. 50–66.

Гольмстен В.В. Погребение из Криволучья // СГАИМК. 1931. № 6. С. 7–12.

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., Хохлов А.А. Неординарное погребение энеолитического могильника Екатериновский мыс // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 58–67.

Королев А.И., Мышкин В.Н., Шалатинин А.А. Результаты работ на грунтовом могильнике Максимовка I в лесостепном Поволжье в 2018 г. // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 3. С. 515–530.

Потемкина Т.М. Черты энеолита лесостепного Притоболья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1982. С. 159–172.

Хлобыстина М.Д. «Сидячие» погребения культур Северной Евразии эпохи неолита и бронзы // КСИА. Вып. 203 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1991. С. 32–38.

Цибин В.А., Шалатинин А.А. Погребение эпохи энеолита грунтового могильника Максимовка I из Самарского Заволжья // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Том 24. №3. С. 6–16.

Чижевский А.А. Погребения эпохи энеолита Мурзихинского II могильника // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 367–371.

Чижевский А.А., Голубева Е.Н. Погребение №90 Мурзихинского II могильника. Трасологический анализ каменного инвентаря эпохи энеолита // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э. / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 42–51.

Чижевский А.А., Шипилов А.В. Ранние энеолитические могильники Усть-Камья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ, 2018. С. 80–84.

Чижевский А.А., Шипилов А.В. Ранние энеолитические могильники Усть-Камья // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 140–163.

Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н. Сидячие погребения эпохи энеолита на территории лесостепного Притоболья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4 / Ред. И.Н. Васильева. Самара: Научно-технический центр, 2006. С. 186–191.

Информация об авторах:

Королев Аркадий Иванович, кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); arkorolev@gmail.com

Шалапинин Антон Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ООО «Метрикум» (г. Самара, Россия); anton-shalapinin@ro.ru

REFERENCES

Agarov, D. S. 2010. In Agarov, S. A. (ed.). *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalynskaya eneoliticheskaya kul'tura. Issledovaniya materialov (Khvalynsky Eneolithic Burial Grounds and the Khvalynsk Eneolithic Culture. Studies of Materials)*. Samara: "Povolzh'e" Publ., 258–284 (in Russian).

Agarov, S. A., Vasil'ev, I. B., Pestrikova, V. I. 1990. *Khvalynskiy eneoliticheskiy mogil'nik (Khvalynsk Eneolithic Burial Ground)* Saratov: Saratov State University (in Russian).

Bogdanov, S. V. 1992. In Sinyuk, A. T. (ed.). *Drevnyaya istoriya naseleniya Volgo-Ural'skikh stepei (Ancient history of the Population of the Volga-Ural Steppes)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical Institute, 195–205 (in Russian).

Vasil'ev, I. B. 2004. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala i Povolzh'ya (Issues of Archeology of the Urals and the Volga Region) 2*. Samara: "Samarskiy universitet" Publ., 50–66 (in Russian).

Gol'msten, V. V. 1931. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletins of the State Academy of the History of Material Culture)* (6), 7–12 (in Russian).

Korolev, A. I., Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A., Khokhlov, A. A. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 25 (3), 58–67 (in Russian).

Korolev, A. I., Myshkin, V. N., Shalapinin, A. A. 2021. In *Oriental Studies*. Vol. 14, no 3, 515–530 (in Russian).

Potemkina, T. M. 1982. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Volgo-Ural'skaia step' i lesostep' v epokhu rannego metalla (Volga-Ural Steppe and Forest-Steppe in the Early Metal Period)*. Kuibyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 159–172 (in Russian).

Khlobystina, M. D. 1991. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 203. Moscow: "Nauka" Publ., 32–38 (in Russian).

Tsibin, V. A., Shalapanin, A. A. 2019. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations)* 3 (24), 6–16 (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 2008. In Derevyanko, A. P., Makarov, N. A. (eds.). *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Suzdale 2008 g. (Proceedings of the 2nd (18th) All-Russia Archaeological Congress in Suzdal, 2008)* Vol. I. Moscow: "Nauka" Publ., 367–371 (in Russian).

Chizhesky, A.A., Golubeva, E. N. 2019. In Morgunova, N. L. (ed.). *Fenomeny kul'tur rannego bronzovogo veka stepnoy i lesostepnoy polosy Evrazii: puti kul'turnogo vzaimodeystviya v V–III tys. do n.e.). (Phenomena of the Early Bronze Age cultures of the steppe and forest-steppe belts of Eurasia: ways of cultural interaction in the V-III millennium BC)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical Sciences, 42–51 (in Russian).

Chizhesky, A.A., Shipilov, A. V. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21th Urals Archaeological Congress)*. Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 80–84 (in Russian).

Chizhesky, A.A., Shipilov, A. V. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhesky, A.A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 140–163 (in Russian).

Shilov, S. N., Maslyuzhenko, D. N. 2006. In Vasil'eva, I. N. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ya (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 4. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 186–191 (in Russian).

About the Authors:

Korolev Arkadii I. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Samara State University of Social Sciences and Education. L.Tolstoy St., 47, Samara, 443010, Samara, Russian Federation; arkorolev@gmail.com

Shalapinin Anton A., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, "Metricum" LLC/ 443081, Samara, Karl Marx Ave., 288, sq. 70. Russian Federation; anton-shalapinin@ro.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.